

Юрий ГРУЗИЦКИЙ,
доцент БГЭУ, кандидат исторических наук

ИПОТЕЧНЫЙ КРИЗИС В ЦАРСКОЙ РОССИИ, или КРУШЕНИЕ КАЗЕННЫХ БАНКОВ

В первой четверти XIX в. в императорской России сформировалась система ипотечных кредитных учреждений, куда вошли Государственный заемный банк, Санкт-Петербургская и Московская сохранные казны и так называемые приказы общественного призрения – местные губернские банки. Все кредитные учреждения были государственными, или же «казенными», и, несмотря на различные предпосылки возникновения, имели в общем одинаковый характер. Пассивные операции заключались в приеме вкладов, а активные – в выдаче ссуд под залог помещичьих имений. Они выполняли функции финансирования дворянского землевладения и казны. Получивший развитие ипотечный кредит характеризовался тем, что значительную часть средств на покрытие бюджетного дефицита правительство заимствовало у казенных банков, постепенно становясь их крупным должником.

Кредитоспособность заемщика в это время определялась не столько размерами земельных владений или доходами хозяйства, сколько количеством крепостных крестьян мужского пола – «ревизских душ». Обеспече-

Сегодня, в период глобального кризиса, который все более ощутим для каждого государства, возникает вопрос: как часто случались подобные потрясения и каковы их последствия? Один из примеров – кризис государственных ипотечных банков Российской империи, разразившийся в середине XIX века. Он радикально изменил не только финансово-кредитную систему, но и экономический базис страны.

нием же ссуды являлись не души, а поместья с прикрепленными к ним крестьянами, которые в случае невозврата кредита подлежали продаже с торгов.

Ипотечные банки крепостнической России имели специфику, которая не наблюдалась в то время в других странах. В условиях докапиталистических социально-экономических отношений основной формой общественного богатства являлась земля, но с обязательным прикреплением к ней феодально зависимых крестьян. Господство полунатурального хозяйства предопределяло неразвитость рынка недвижимости, а земля без производителей феодальной ренты – крепостных – ценности фактически не имела. Поэтому размеры предоставляемых помещикам ссуд определялись количеством и стоимостью ре-

визских душ. Именно залог «населенных имений» был в то время наилучшим обеспечением ссуженной стоимости, в которых ревизская душа фактически являлась единицей определения доходности поместья.

ХАРАКТЕРНОЙ особенностью государственного регулирования банковской сферы в то время было постепенное увеличение сроков ипотечных ссуд, а также периодически меняющиеся размеры процентных ставок, законодательно устанавливаемые правительством и утверждаемые императором. Известные принципы банковского кредитования: возвратность, платность, срочность и обеспеченность, к сожалению, далеко не всегда соблюдались.

Постепенно продолжительность ссуд, предоставляемых банками заемщи-

кам, увеличилась с 1–2 лет до 8–10 и затем, в 30-е гг. XIX в., – до 26–37 лет. Менялись и размеры процентных ставок. Ссуды под населенными крепостными крестьянами поместья несколько десятилетий выдавались под 6% годовых. Кроме того, ежегодно должны были уплачиваться 2% от суммы кредита в погашение долга. При этом плата за принятые во вклады средства составляла 5%.

Формирование пассивов осуществлялось из различных источников, но преимущественно путем привлечения средств физических лиц и различных организаций. Условия депозитных операций для клиентов были довольно привлекательными. Проценты начислялись банками по полугодиям, и на них тоже полагались проценты. В результате вклад под 5% годовых удваивался менее чем за 15 лет, а под 4% – менее чем за 18 лет [1, с. 488]. Так как гарантом возвращения вкладов являлось государство в лице самого императора, то доверие к казенным банкам было очень высоким.

В 1820 г. для снижения ликвидности привлекаемых в кредитные учреждения средств было определено, что проценты на вклады будут насчитываться только при условии их размещения на срок не менее трех лет. Депозиты, востребованные клиентами до этого срока, являлись беспроцентными. Это позволяло банкам более свободно распоряжаться привлеченными ресурсами, размещая их в средне- и долгосрочные ссуды.

Выгодные условия размещения вкладов предопределили их быстрый рост.

Особенно интенсивно этот процесс шел в местных кредитных учреждениях империи – приказах общественного призрения, где с 1817 по 1827 гг. сумма «посторонних капиталов», как тогда называли депозиты, выросла с 21830 тыс. руб. ассигнациями до 41636 тыс. руб. асс. – в 1,9 раза. В белорусских приказах вклады за этот период увеличились с 835,6 тыс. руб. асс. до 2113,2 тыс. руб. асс., т.е. в 2,5 раза. В результате такого быстрого наращивания ресурсов банков возникла проблема размещения привлеченных средств в ссуды. Для ее частичного разрешения получила распространение передача заемных средств из местных банковских учреждений и сохранной казны в Государственный заемный банк для «приращения процентами», откуда они поступали в казначейство для пополнения бюджета.

НЕСМОТРЯ на это, к концу 20-х гг. XIX в. обозначилось нарушение равновесия между активными и пассивными операциями. Постепенно сложился перевес быстро растущих вкладов над ссудами. Так, например, только в Государственном заемном банке в 1829 г. вклады частных лиц составляли 7,8 млн. руб. асс., тогда как в ссуды к этому времени удалось разместить лишь 3,5 млн руб. асс. [2, с. 168]. Не лучшей была ситуация и в других казенных банках.

Причины такого ненормального положения заключались в медленном развитии в империи капиталистических отношений, практически полном отсутствии финансового

рынка с его неперенными инструментами – облигациями, акциями. Крепостничество сдерживало развитие товарно-денежных отношений, консервировало полунатуральный характер экономики. К тому же и Министерство финансов, заинтересованное в дешевых ресурсах для покрытия бюджетного дефицита, сдерживало кредитные операции казенных банков.

С целью ограничения поступления денежных средств населения и учреждений в банки, а также удешевления кредита императорским манифестом от 1 января 1830 г. были пересмотрены условия выдачи ссуд и приема вкладов. Плата по займам была снижена с 6 до 5%. Соответственно понижалась с 5 до 4% и депозитная ставка – из-за «скопления вкладов без всяких употреблений» [3, с. 3-7]. Нововведение объяснялось тем, что прежняя норма ссудного процента была достаточно высокой и вела «к сокращению доходов с недвижимых имуществ, упадку цен на сельскохозяйственную продукцию». Таким образом, правящие круги пытались как-то сбалансировать активные и пассивные операции ипотечных учреждений.

Широкие масштабы кредитования привели к тому, что к середине XIX в. ипотечные долги помещиков Российской империи составляли огромные суммы, значительное количество имений находилось в опеке или было подвергнуто описи за неплатежи по ссудам казенным банкам. Только в Витебской губернии в опеке в 1843 г. находилось 162 имения, в 1844 г. – 177 (предлагалось к сдаче еще 107), а в

1856 г. – 239 и 363 было описано. В Гродненской губернии в 1849 г. в опекуновском управлении находилось 260 имений, в 1851 г. – 320, в 1852 г. – 357. В Могилевской губернии в 1844 г. подвергалось опеке более 550 имений. Витебский губернатор в 1848 г. с тревогой сообщал в Санкт-Петербург, что долги на помещичьих имениях «возросли до состояния неоплатности и если не воспоследует новой монаршей милости, дарующей здешним задолжавшим казне помещикам рассрочку на все платежи, то их имения должны будут немедленно подвергнуты описи и продаже [4, с. 103-104].

Самодержавное правительство вынуждено были идти на предоставление помещикам различных налоговых и кредитных льгот. В 1833 г. в связи с неурожаем в Витебской и Могилевской губерниях заемщикам ипотечных банков была предоставлена отсрочка погашения кредитов на три года [5, л. 140]. В конце 1845 г. помещики Гродненской губернии также просили о переносе сроков выплаты долгов казенным банкам [6, л. 1-71]. В 1849 г. заемщикам Могилевской губернии были пролонгированы кредиты Государственному заемному банку и сохранным учреждениям на 37 лет, а ссуды, заключенные от 1 до 8 лет, предполагалось «рассрочить на 8 лет, а по продолжительности займа на 12 лет». Продление долгосрочных займов на 37 лет было сделано и для заемщиков Витебской губернии в 1850 г. [7, с. 89; 8, с. 212]. В этих действиях просматривается нарушение таких важнейших принципов банковского кредитования, как

срочность и возвратность. Предоставление банками помещикам огромных денежных средств фактически на неопределенное время деформировало сущность кредита, снижало финансовую устойчивость ипотечных учреждений. Многомиллионные банковские ресурсы оказались замороженными на долгие годы.

Несмотря на многочисленные отсрочки и «послабления» в кредитной политике царского правительства, только в 1858 г. по четырем белорусским губерниям (без Могилевской) за просроченные ссуды 454 имения находились в описи и опеке, а 14 поместий были проданы с торгов, т.е. каждый пятый заемщик оказался несостоятельным [9, с. 206].

СПАСТИ от краха исчерпавшее свои ресурсы крепостническое помещичье хозяйство, несмотря на кредитные вливания и реструктуризацию ссуд, уже было невозможно. К тому же в середине 50-х гг. XIX в. казенные банки, концентрировавшие почти все накопления денежных капиталов, вошли в полосу глубокого кризиса, вызванного нарушением сбалансированности краткосрочных пассивов с долгосрочными активами, как по срокам, так и суммам. К этому времени почти две трети ревизских крестьянских душ и две пятых имений, под которые выдавались кредиты, уже были заложены в банках, и ссудная операция стала сокращаться.

С 1856 по 1859 гг. число заложенных душ в имперских банках выросло на 500,3 тыс. (7%), а задолженность – на 27,3 млн. руб. сер. (6,4%). [10, прил. 1; 11,

с. 212-215]. За этот же период вклады, несмотря на уже начавшийся их отток, увеличились с 695 млн. руб. сер. до 970 млн. руб. сер. – в 1,4 раза [12, с. 64].

Очевидно, что прирост вкладов, обусловленный развитием частного предпринимательства, бумажно-денежной эмиссией, вызванный Крымской войной 1853–1856 гг., существенно обгонял кредитные операции. Проблематичными стали и «позаимствования» казны, которые «как долгосрочные не соответствовали характеру краткосрочных вкладов: государственное казначейство точно также не в состоянии было, в случае более значительного востребования вкладов, выплатить единовременно свой долг из общегосударственных источников, не прибегая к новым займам или к новому выпуску кредитных билетов» [13, с. 434].

В этой ситуации царское правительство активно ищет возможности для погашения своей задолженности кредитным учреждениям. В итоге решили приостановить поступление вкладов, а высвободившиеся капиталы направить в недавно учрежденные акционерные компании – Главное общество российских железных дорог и Русское общество пароходства и торговли, находившиеся под опекой государства. Была разработана своеобразная операция по «выталкиванию вкладов» из кредитных учреждений путем сокращения процентной ставки. Указом от 1 июня 1857 г. проценты по вкладам были понижены с 4 до 3%, а по казенным депозитам – до 1,5%. При этом с 5 до 4% удешевлялись ссуды и удлиня-

лись сроки их возврата (вместо 26 и 37 лет – 28 и 39 лет). С целью обращения части депозитов в долгосрочный заем и избежания массового востребования денег были выпущены 4-процентные «непрерывно-доходные билеты», представлявшие собой своеобразные бессрочные облигации, которые предлагались вкладчикам.

Последствия такого шага оказались для государственных кредитных учреждений фатальными. Вопреки расчетам правительства, капиталы из казенных банков направились не только в контролируемые государством акционерные общества. В 1857–1859 гг. в империи проходила учредительская горячка, проявившаяся в массовом основании частных акционерных обществ. За эти годы в стране возникло более 80 таких компаний. Туда и устремилась большая часть денег вкладчиков государственных банков. 4-процентные «непрерывно-доходные билеты» не нашли ожидаемого количества подписчиков из-за низкой степени доверия к ним.

Востребование средств вкладчиками из казенных банков приняло критический характер. Если в 1857 г. затребование вкладов превысило вложения на 11 млн. руб. сер., то в 1858 г. – уже на 52 млн. руб. сер. [2, с. 277]. В суммарном итоге в 1857 г. было востребовано 239 млн. руб. сер., а в 1858 г. – 299 млн. руб. сер. В 1858 г. правительство ввело ограничения на выдачу ссуд и учреждение новых акционерных обществ. Однако изъятие вкладов по-прежнему превышало их поступление.

В 1859 г. правящие круги, будучи в состоянии паники,

предприняли вторую, авантюрную и более дорогостоящую попытку превратить вклады в долгосрочные ценные бумаги. Начался выпуск теперь уже 5-процентных банковских билетов, обменивавшихся на вкладные свидетельства. Чтобы стимулировать такой обмен, ставка по вкладам снижалась до 2%. Всего было выпущено пятипроцентных билетов на 277,5 млн. руб. сер. Но многие владельцы капиталов предпочли получить свои деньги наличными. За 1859 г. оказалась востребована рекордная сумма – свыше 355 млн. руб. сер., которая на 104 млн. руб. сер. превысила поступления [14, с. 45–46].

Судьба банков была решена. В апреле 1859 г. высочайшим повелением Александра II запрещался залог имений в государственных кредитных учреждениях [15, с. 360]. Они были подчинены Министерству финансов, а через год сдали свои дела только что учрежденному Государственному банку Российской империи, куда

было предписано передать все вклады. Решение о ликвидации старых казенных банков стало неизбежным. Правительство, «вытолкнув» из банков многомиллионные вклады и ухудшив позиции российского рубля, вынуждено было заявить о необходимости разработки проекта создания новых кредитных учреждений, реформирования финансовой системы, отвечавших потребностям капитализма. Тем самым была подведена черта под столетней историей ипотечного банковского кредитования в России казенными финансовыми учреждениями.

В конечном итоге российский ипотечный кризис середины XIX в., дополненный дестабилизацией всей финансовой системы, предельно обострил в империи социально-экономическую ситуацию. Он привел не только к радикальным финансово-кредитным преобразованиям, но и крушению всей феодально-крепостнической системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика в России (XIX – начало XX в.). Избранное. Очерки истории типологии русских банков / [Редкол.: Л.И. Абалкин (отв. ред.) [и др.]. – М., 1997.
2. Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII в. – 1861 г.). – М., 1958.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. Т. V. 1830. Отд. 1. – СПб., 1831.
4. Чепко В.В. Сельское хозяйство в Белоруссии в первой половине XIX в. – Минск, 1966.
5. Национальный исторический архив Беларуси в Минске (НИАБ). Ф.1297. Оп. 1. Д. 7884.
6. НИАБ в Гродно. Ф.12. Оп. 1. Д. 427.
7. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XIV. Отд. 2-е. 1849. СПб., 1850.
8. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XV. Отд. 1-е. 1850. СПб., 1851.
9. Журнал Министерства внутренних дел. – 1860. – Апрель.
10. Труды комиссии, Высочайше учрежденной для устройства земских банков: в 4 т. – СПб., 1860. Т. 1.
11. Журнал Министерства внутренних дел. – 1860. – Февраль.
12. Проскуракова Н. А. Земельные банки Российской империи. – М., 2002.
13. Министерство финансов. 1802 – 1902: в 2-х ч. – СПб., 1902. – Ч. 2.
14. Гурьев А.Н. Очерки развития кредитных учреждений в России. – СПб., 1904 // История России: Кредитная система. Репринтное воспроизведение. – М., 1995.
15. ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. XXIV. Отд. 1-е. 1859. СПб., 1861.